

On the distinction between criminal negligence and innocent harm in the conditions of dangerous industrial activity

O. G. Solovyev¹, A. F. Sokolov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-554-561

Research article
Full text in Russian

The article discusses the controversial aspects of the qualification of careless acts, the problems of distinguishing criminal negligence and innocent harm. The authors analyze the doctrinal and practical issues of assessing the actions (inaction) of subjects who carry out hazardous production activities, are equally responsible for compliance with safety regulations and are required to clearly perform their functions in the division of labor. At the same time, as a result of such joint actions, the death of one of the participants in the process occurs. In this case, is the consequence of death causally related to the behavior of the survivor, to what extent should he be responsible for the actions (inaction) of the deceased. The paper indicates that with a detailed analysis of the situation, it is possible to talk about the absence of criminal negligence and the presence of innocent harm. The possibility of foreseeing adverse consequences in this case is always mediated by the behavior of another person (persons) who jointly carry out a dangerous type of activity, unforeseen circumstances related to the actions of other responsible participants in the development of the situation may interfere in the chain of development of the causal relationship.

Keywords: criminal liability; reckless crime; thoughtlessness; negligence; innocent infliction of harm; criminal consequences; awareness; foresight

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Solovyev, Oleg G. | E-mail: olegsol1961@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Sokolov, Alexander F. | E-mail: afsokolov@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-015).

О разграничении преступной небрежности и невинного вреда в условиях осуществления опасной производственной деятельности

О. Г. Соловьев¹, А. Ф. Соколов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-554-561
УДК 343.2.7

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассмотрены дискуссионные аспекты квалификации неосторожных деяний, проблемы разграничения преступной небрежности и невинного причинения вреда. Анализируются доктринальные и практические вопросы оценки действий (бездействия) субъектов, которые осуществляют опасную производственную деятельность, в равной степени ответственны за соблюдение техники безопасности и обязаны четко выполнять свои функции в разделении труда. При этом в результате таких совместных действий наступает смерть одного из участников процесса. Находится ли в этом случае в причинной связи последствие в виде смерти с поведением выжившего лица, в какой степени он должен отвечать за действия (бездействие) погибшего? Указывается, что при детальном анализе ситуации можно говорить об отсутствии в содеянном преступной небрежности и наличии невинного причинения вреда. Возможность предвидения неблагоприятных последствий в этом случае всегда опосредуется поведением иного лица (лиц), которые совместно осуществляют опасный вид деятельности, в цепочку развития причинно-следственной связи могут вмешиваться непредвиденные обстоятельства, связанные с действиями иных ответственных участников развития ситуации.

Ключевые слова: уголовная ответственность; неосторожное преступление; легкомыслие; небрежность; невинное причинение вреда; преступные последствия; осознание; предвидение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соловьев, Олег Геннадиевич | E-mail: olegsol1961@yandex.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Соколов, Александр Федорович | E-mail: afsokolov@mail.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-015).

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

В отечественной юридической литературе достаточно много внимания уделено теоретическим и практическим вопросам оценки и квалификации небрежности и невиновного причинения вреда в условиях осуществления опасной производственной деятельности. Указанные проблемы исследовались в разное время в работах: 1) позднего имперского периода (Г. Е. Колоколов, Н. Д. Сергиевский), 2) советского периода (А. Н. Трайнин, М. Д. Шаргородский, Н. Ф. Кузнецова, В. Н. Кудрявцев, Р. Р. Галиакбаров), 3) настоящего времени (А. И. Рарог, Л. Л. Кругликов, Е. С. Бородин, М. В. Бавсун). Однако, надо признать, что большинство авторов анализируют ответственность в простой ситуации: конкретные виновные или невиновные действия (бездействие) лица приводят к последствиям в виде смерти потерпевшего или причинения ему тяжкого вреда [1]. Сложнее выглядит квалификация в условиях совместной опасной производственной деятельности, когда в результате обоюдных ошибок и непредусмотрительности нескольких лиц вред причиняется одному из них [2, с. 79].

Разберем похожие ситуации на основе конкретного уголовного дела. Так, в ходе расследования уголовного дела № 12102340003000037 следственным органом Г. 07.01.2022 г. предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 109 УК РФ, о чем вынесены соответствующее постановление о привлечении в качестве обвиняемого от 7 января 2022 года и приговор Буйского районного суда Костромской области от 28 июня 2022 года по делу № 1-50/2022, по которому Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ¹.

Как следует из фабулы обвинения и приговора, Г. признан виновным в причинении смерти по неосторожности по ч. 1 ст. 109 УК РФ. В дневное время 31 октября 2021 года, находясь в лесополосе участкового лесничества ОГКУ «Буйское лесничество», Буйского района Костромской области, виновный осуществлял рубку (валку) деревьев. При этом, по версии следствия, осознавая, что в зоне валки находится его помощник К., проявляя преступную небрежность, не предвидя возможности наступления общественно опасных последствий в виде смерти К. от падения дерева или его частей, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности, а также наличии опыта вальщика деревьев, Г. должен был и мог предвидеть.

Изучив представленные документы, законодательство, судебную практику и источники доктрины уголовного права, мы считаем, что квалификация суда первой инстанции была избыточной и не основанной на законе. Для верной квалификации действий Г. нам необходимо, прежде

¹ Уголовное дело № 12102340003000037; приговор Буйского районного суда Костромской области от 28 июня 2022 года по делу № 1-50/2022 // Архив Буйского районного суда за 2022 год.

всего, оценить положения ст. 26, 28 УК РФ, а также ст. 109 УК РФ в части оценки признаков субъективной стороны состава преступления.

Напомним, что в ст. 26 УК РФ «Преступление, совершенное по неосторожности» в характеристику небрежности введена только та часть интеллектуального момента, которая связана с предвидением преступных последствий и имеет два свойства: *отрицательное и положительное*. Доктрина и практика признает, что в первом случае лицо не предвидит возможности наступления либо никак не предполагает появления общественно опасных последствий своих действий (бездействия). Очевидно, что такая нормативная формулировка предусматривает, что отрицательное свойство небрежности отделяет небрежность от легкомыслия (ч. 2 ст. 26 УК РФ) [3, с. 87].

Напротив, положительное же свойство небрежности определяется тремя ключевыми признаками: «необходимостью», «внимательностью», «предусмотрительностью». В русском языке «необходимый» означает нужный, обязательный, неизбежный, «внимательный» – сосредоточенный, а «предусмотрительный» – умеющий предвидеть результаты, события в будущем [4, с. 511]. Оценка указанных признаков в целом не вызывает трудностей в ситуации квалификации деятельности одного лица, сложности возникают, когда действовало несколько ответственных лиц и наступили последствия в виде смерти одного из группы. В отечественной доктрине отмечалось, что ответственность лиц, которые участвуют в совместной деятельности, за наступившие неблагоприятные последствия всегда опосредуется неосторожным, а в отдельных случаях и невиновным поведением иных участников процесса [5, с. 12].

Действительно, общественно опасный результат зачастую является следствием совместной деятельности всех участников и не может быть связан с поведением лишь одного из них. Это обусловлено тем, что ответствующие лица, выполняющие равнозначные или второстепенные функции в группе, как правило, осведомлены о совместном характере выполняемых ими действий (бездействия) и также способны предвидеть наступление общественно опасного результата [6, с. 11].

Преступные последствия могут являться стечением нескольких согласованных, а иногда и разобщенных, но самостоятельно и единолично выполненных каждым субъектом действий и в силу различных обстоятельств повлекших неблагоприятный результат. Причем последнее важно не само по себе, а для понимания критериев положительного свойства небрежности: объективного (типового) и субъективного (индивидуального). По первому из них лицо должно было предвидеть общественно опасные последствия. Это вытекает из: 1) служебных или профессиональных обязанностей, 2) правил поведения, предусмотренных для определенной сферы деятельности, и 3) правил предосторожности, сложившихся в об-

щении людей и их повседневной деятельности [3, с. 89; 7 с. 121]. Следовательно, в нашем случае лицо должно было предвидеть неблагоприятный результат, основываясь на 2-й и 3-й группе правил поведения. И это обстоятельство не вызывает сомнений.

Анализируя материалы дела, мы видим, что преступный результат наступил, исходя из поведения *двух лиц, которые обладали сопоставимыми специальными знаниями и навыками*, а значит, следует напомнить, что различные теории «неосторожного соучастия» и – значительно реже – проблемы ответственности лиц за неосторожные действия иных лиц, участвующих в групповой совместной опасной деятельности, рассматривалась в работах ученых.

Действительно, особенно сложная ситуация в оценке субъективного фактора небрежности либо признаков невиновного причинения вреда возникает в ситуации действия группы лиц: а) действующих совместно, б) совершающих осознанные и предварительно согласованные действия, в) обладающих свободой воли совершать (или не совершать) действия, выходящие за рамки предварительной договоренности, в критической или иной ситуации. В нашем случае субъективная возможность предвидения неблагоприятных последствий со стороны Г., очевидно, опосредовалась поведением самого потерпевшего – К. По непонятным причинам в обвинительном заключении и в приговоре оцениваются только действия Г., отмечается его опыт, навыки и т. д. Отметим, что К. обладал таким же опытом и навыками и не являлся безвольным статистом при организации рубки. В соответствии с правилами и по согласованию с Г. погибший сам выбрал безопасное, по его мнению, место нахождения помощника. Тогда как из содержания обвинительного заключения следует, что Г. во время работы с бензопилой должен был следить за тем, где находится и куда должен был передвигаться потерпевший, который тем не менее также был обязан самостоятельно определять безопасные варианты своего поведения. К тому же важным обстоятельством было и то, что Г. и К. не предполагали, что дерево может изменить траекторию падения.

Исходя из показаний участкового лесничего ОГКУ «Буйское лесничество» А., который, являясь специалистом в сфере организации валки леса, прямо утверждает, что, по его мнению, Г. *не были нарушены правила валки указанного дерева, поскольку были «соблюдены правила подпила и спила»*. Основную причину некоторого изменения траектории падения дерева свидетель видит в том, что *сердцевина ствола осины была подгнившая*. В данном случае, очевидно вмешательство непредвиденных обстоятельств. Судебно-следственная практика исходит из того, что не только в случае *невозможности* предвидения неблагоприятных последствий, но и в ситуациях, *затрудняющих* четкое осознание таких последствий, необходимо исключать ответственность по ст. 109 УК РФ. В этом слу-

чае можно говорить об опосредованном воздействии на причинно-следственную связь между деянием и преступными последствиями².

Кроме того, А. показал, что и *вальщик*, и *помощник* должны обладать «*определенной сноровкой, ловкостью, учитывать скорость ветра и другие факторы*» при оценке ситуации. Таким образом, презюмируется, что возможные неблагоприятные последствия могут быть вызваны замешательством, потерей внимания, несвоевременной реакцией и т. д. со стороны одного из партнеров, действующих совместно при валке леса. И очевидно, что возможные неумелые или несвоевременные действия К. находились вне сферы субъективного осознания Г. и также могли привести к неблагоприятному результату.

Добавим, что смерть К. наступила не от прямых действий Г. (например, падением осины или крупных сучьев осины на потерпевшего), а была опосредована также непредвиденными обстоятельствами – спруживанием веток, вызванным соприкосновением падающего ствола осины с другим деревом. Именно по указанным причинам Г., не направляя интеллект к прогнозированию своего поведения и не приводя его в соответствие с результатами этого предвидения, добросовестно заблуждался в оценке уровня и характера опасности, сложившейся при рубке дерева в анализируемой ситуации. Схожие казусы исследуются в доктринальной юридической литературе, при этом в действиях лиц исключается наличие преступной небрежности [6, с. 12; 8, с. 12].

Необходимо также сказать, что К. неоднократно работал по валке деревьев совместно с Губановым Е. М. Из показаний подсудимого и свидетелей установлено, что Г. и К. имели сопоставимый опыт валки леса, занимались валкой опасных деревьев в структурах РЖД, в 90-е годы профессионально занимались рубкой промышленного леса на отведенных хозяйственных участках. Следовательно, как уже говорилось, потерпевший имел значительный профессиональный опыт проведения указанных видов работ. При этом, обладая таким опытом, он, как помощник, не увидел вероятной опасности и не указал вальщику Г. на возможные нарушения в организации предстоящей рубки осины. Из этого следует, что указанная рубка осуществлялась в обычном стандартном режиме.

Из показаний свидетеля З., являющегося мастером по полосе отвода в ОАО «РЖД», следует, что в соответствии с инструкцией по технике безопасности (выдержки из которой по непонятным причинам в представленных документах не приведены) подготовку к валке и оценку ситуации с точки зрения техники безопасности, в том числе и определение места

² См., например: Постановление Президиума Липецкого областного суда от 22 марта 2002 года // Бюллетень Липецкого областного суда по уголовным делам по итогам I полугодия 2002 года от 21.05.2002; Апелляционное постановление Московского городского суда от 19.08.2020 № 10-11411/2020 Приговор: По ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Приговор отменен // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.08.2023).

падения дерева, а следовательно, и оценку возможных неблагоприятных последствий такого падения, осуществляют *вальщик и помощник совместно*.

К. не находился в какой-либо служебной или иной зависимости от Г., они были друзьями, имели длительный опыт совместной работы и, следовательно, он обладал правом в высказывании любых замечаний в отношении действий вальщика, вплоть до несогласия продолжать работу в случае осознания вероятной угрозы, то есть имел реальную возможность проявить свою волю для правильной оценки обстановки и избежания наступления неблагоприятных последствий. Однако К. не сделал этого и продолжал выполнять функции помощника в обычном стандартном режиме.

Следует также сказать, что инициатива по рубке леса принадлежала К., который приготовил и взял с собой в лес все необходимые предметы (бензопилу, ключ, соль, сумку с инструментами и т. д.), пригласил Г. оказать ему помощь и фактически единолично осуществил валку необходимых деревьев. После окончания работ К. настоял на валке еще одного дерева, самостоятельно осуществил выбор подходящего для рубки дерева и, следовательно, первичную оценку обстановки на месте предстоящей валки. Данные обстоятельства косвенно указывают на то, что К. принадлежала более активная или, как минимум, равнозначная роль в анализе обстановки и проведении работ на месте порубки. В данном случае можно предположить, что Г., в значительной степени выполняя функции ведомого, учитывая доверительные и равноправные отношения между коллегами, факультативно опирался на опыт и знания К.

Сказанное позволяет сделать вывод, что, как уже было отмечено, имея серьезный опыт валочных работ, К. не увидел вероятной опасности как в действиях Г., так и в своих собственных действиях. В ином случае он каким-либо образом повлиял на неблагоприятное развитие ситуации. Напомним, что ответственность за соблюдение требований техники безопасности при осуществлении указанной деятельности также лежала и на К. Очевидно, что погибший: 1) не осознавал общественной опасности как своих действий (бездействия), так и действий (бездействия) Г.; 2) не мог в сложившейся ситуации предвидеть последствий совместных с Г. действий (бездействия). В этом случае утверждение следствия о том, что Г. действовал преступно небрежно: «не предвидел возможность наступления смерти, хотя по обстоятельствам дела должен был и мог предвидеть» – выглядит, как минимум, достаточно спорным.

Повторимся, в таких условиях считаем квалификацию действий Г. как неосторожное причинение смерти, предусмотренное ч. 1 ст. 109 УК РФ, незаконной и необоснованной ввиду отсутствия состава преступления (признака вины) в его действиях. Основываясь на ранее перечислен-

ных обстоятельствах, следует сделать вывод, что анализ содержания индивидуального (субъективного) критерия небрежности указывает на отсутствие в сложившейся обстановке возможности предвидения Г. наступления общественно опасных последствий. Анализируемое деяние необходимо признать совершенным невиновно, поскольку Г. не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не мог их предвидеть (ст. 28 УК РФ).

Ссылки

1. Кораблева С. Ю. Понятие вины в российском уголовном праве и ее соотношение с иными признаками субъективной стороны преступления // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2015. № 24. С. 68–78.

2. Соловьев О. Г., Гончарова Ю. О. Дискуссионные аспекты определения перечня средств и приемов законодательной техники в правотворческом процессе // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 1. С. 76–83. DOI 10.18255/1996-5648-2021-1-76-83.

3. Гармышев Я. В. Субъективная сторона преступлений, связанных с нарушением специальных правил безопасности // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3. С. 85–91.

4. Толковый словарь русского языка [Текст]: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994. 907 с.

5. Нерсесян В. А. Ответственность за неосторожные преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 48 с.

6. Безбородов Д. А. К вопросу о понятии неосторожного сопричинения в уголовном праве // Криминалистъ. 2014. № 1. С. 9–16.

7. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М.: Проспект, 2015. 232 с.

8. Арчибасова Л. А. Невиновное причинение вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 23 с.